

Ван Ицюэ собрал много людей и шёл впереди всех. Компания кричала и шумела, как будто они шли не на драку, а на революцию.

Чэн Пэнфэй остановился у входа, положил кухонный нож и снова взял дубинку.

Почему-то этот нож вызывал у него страх, словно в памяти всплывало что-то искажённое. После удара ножом в живот становилось холодно, и казалось, что кишки вот-вот вытекут вместе с кровью.

Чэн Пэнфэй встряхнул головой, пытаясь избавиться от этого ужасного воспоминания.

Уже было два часа дня, а встреча с ней была назначена на девять. Он чётко понимал: как только здесь всё закончится, он поедет на автобусе на окраину города.

Двадцать минут пути — он успеет.

Мысль о скорой встрече с девушкой наполняла его радостью, и шаги стали легче. Он шёл не на драку, а скорее на вечеринку.

Обычно он был с жёлтыми волосами, но сегодня, с чёрными волосами, он шёл в конце, и никто не заметил, что этот красивый парень — Чэн Пэнфэй. У каждого была своя компания, и никто не обращал внимания на одинокого парня.

Завод, который скоро должны были снести, был виден издалека с большим красным иероглифом «снести».

Чэн Пэнфэй вместе с остальными подошёл к зданию завода, и вскоре началась драка.

Дубинки не разбирали, кто перед ними, и Чэн Пэнфэй бил ими по телам. У них были свои правила: обычно не использовали ножи, но на этот раз кто-то задел Обратную чешую Ван Ицюэ, забрав его ребёнка.

Чэн Пэнфэй услышал звук сирены, нахмурился, бросил дубинку и спрятался в углу, чтобы перевести дух.

По пути он вызвал полицию, и, увидев, что Ван Ицюэ достал нож, он не мог позволить ему сесть в тюрьму.

Полиция прибыла быстро, и всех тридцать-сорок человек увели в участок. Чэн Пэнфэй, который хотел сбежать в суматохе, не смог этого сделать и с разочарованием залез в машину.

Всё просчитал, но этот момент упустил.

В участке редко бывали такие сцены: тридцать-сорок человек сидели на корточках, слушая полицейских.

Чэн Пэнфэй был в конце, сгорая от нетерпения узнать время.

Не знал, сколько сейчас, и если он не успеет на последний автобус, будет беда.

Полицейская заметила Чэн Пэнфэя, подошла и сказала:

— Покажи удостоверение личности.

Кто берёт с собой удостоверение на драку? Чэн Пэнфэй сказал:

— Я... не взял с собой.

Чэн Пэнфэй выглядел очень обаятельно, опустив голову и смотря снизу вверх, как маленький несчастный.

— Не бойся, скажи, сколько тебе лет?

— Шестнадцать... Сестра, пожалуйста, не сажайте меня, я не знал, что меня поймают. — Чэн Пэнфэй осторожно схватил полицейскую за рукав. — Они обманули меня, сказали, что дадут денег, если я пойду. Сестра...

Проверив, полицейская убедилась, что ему действительно шестнадцать. Он выглядел как хороший ученик, с мягкими чёрными волосами и милым лицом.

Она поверила ему, и, так как он был несовершеннолетним, его не могли задержать. Старый полицейский отчитал его, и Чэн Пэнфэй, понурившись, вышел из участка.

Выбравшись, Чэн Пэнфэй сбросил маску послушного ученика и, как птица, выпущенная на волю, побежал к автобусу.

Он использовал этот трюк с жалким видом уже не меньше восьми раз, и каждый раз кто-то попадался на удочку. Ему нравилось ускользать из-под носа полицейских, чтобы не попасть в серьёзные неприятности.

На его одежде были пятна крови, и ему нужно было переодеться.

В автобусе по телевизору показывали популярный исторический сериал.

Молодой актёр, игравший юного императора, был настоящим талантом. С густыми бровями и яркими глазами, он в свои юные годы уже передавал всю мощь императорской власти. Каждый жест, каждый шаг были идеально выверены.

Чэн Пэнфэй засмотрелся, и только когда водитель дважды нажал на гудок, он извинился и вышел.

[Авторское примечание: Появление главного героя.]

[На экране телевизора]

Дети уже вернулись из школы и собрались в кружок у подъезда. Главный мальчик с красным галстуком закрыл глаза и начал искать других, вдруг схватил чью-то руку, быстро снял галстук и, увидев улыбающегося молодого человека, надулся:

— Брат Пэнфэй, не мешай мне, я не хочу снова быть «призраком»!

Чэн Пэнфэй похлопал его по голове и спросил:

— Где твоя мама?

— Вчера она поссорилась с папой, обиделась и ушла к бабушке, сегодня её нет.

Его мама была той самой женщиной, которая ругалась вчера из-за мокрых сушёных овощей.

Чэн Пэнфэй кивнул и первым поднялся наверх, чтобы переодеться.

Из комнаты доносились притворные стоны женщины. Чэн Пэнфэй тихо зашёл в свою комнату и сменил футболку на хлопковую рубашку.

Он был стройным, с развитой мускулатурой. Его тело было гладким, без единого шрама, но на животе было семь-восемь уродливых рубцов.

Он не помнил, когда их получил, и кто их нанёс.

Он только знал, что жил с Ван Ицюэ, и как появились эти шрамы, как они зажили — всё это было пустотой в его памяти.

Чэн Пэнфэй посмотрел на свой живот и подумал, чтобы его девушка не испугалась этих шрамов. Хотя они выглядели пугающе, с некоторых ракурсов... они даже добавляли мужественности.

В шкафу было мало приличной одежды, и на рубашке, неизвестно когда, появилось пятно крови. Чэн Пэнфэй цокнул языком, достал куртку и надел её.

Когда он вышел, в комнате Чжу Янь уже было тихо.

Чэн Пэнфэй посмотрел на дверь и вышел.

Бабушка Сюй сегодня снова положила два солёных яйца у окна. Её яйца всегда забирал Чэн Пэнфэй, и, хотя она ругалась, она продолжала класть их туда.

Она была строгой, но доброй, и Чэн Пэнфэй с благодарностью принимал её заботу. В дождь и ветер он тайком забирался на крышу, чтобы починить протечки.

Чэн Пэнфэй взял яйцо и начал грызть, с подозрением глядя в окно.

Почему бабушка Сюй сегодня не вышла ругаться.

Из комнаты Чжу Янь вышел мужчина с жёлтым лицом, тёмными кругами под глазами и прыщами на лице. Он застёгивал ремень и, увидев Чэн Пэнфэя, толкнул его и выругался, направляясь вниз.

— Что за хрень... — пробормотал Чэн Пэнфэй, доев яйцо, и прижал лицо к окну.

Снаружи начался мелкий дождь, капли стучали по навесу.

Чжу Янь вышла из комнаты в халате, с усталым голосом после секса:

— Пэнфэй, что ты смотришь?

Не успела она договорить, как Чэн Пэнфэй схватил стул и разбил им окно.

Чжу Янь испугалась, она широко раскрыла глаза, прошла через осколки стекла и сказала:

— Ты с ума сошёл! Бабушка Сюй сейчас тебя приберёт!

Чэн Пэнфэй просунул руку в окно, снял задвижку, открыл дверь и крикнул:

— Сестра Янь! Вызови такси!

Чжу Янь увидела, что бабушка Сюй потеряла сознание, а на полу была большая лужа крови.

Чэн Пэнфэй поднял бабушку Сюй на спину. Обычно крепкая женщина, она была лёгкой, и её руки слабо лежали на его плечах.

Чжу Янь была только в ночной рубашке, она стояла на улице, ловя такси. Оба не взяли зонтик.

Дождь усиливался, и Чэн Пэнфэй поправил бабушку Сюй на спине, сказав:

— Сестра Янь, я понесу бабушку Сюй в больницу, здесь такси не поймать!

Чжу Янь кивнула, крепко сжимая кошелёк, и поспешила за Чэн Пэнфэем в больницу.

Недалеко от переулка была больница, обычно не очень людная.

Чэн Пэнфэй пошёл коротким путём, бежал через грязные переулки.

Врачи, увидев их, сразу же уложили бабушку Сюй на каталку. Чэн Пэнфэй тяжело дышал, опираясь руками на колени, чтобы успокоить сердце.

Чжу Янь подбежала, её лицо было бледным, а макияж размылся от дождя. Она оплатила госпитализацию и срочный приём, затем подошла к Чэн Пэнфэю, полная тревоги:

— С бабушкой Сюй всё в порядке? Что случилось, она всегда была такой крепкой, а теперь...

Они сели у операционной, и вскоре вышел врач:

— Кто родственники Сюй Хуэйцин?

— Здесь, здесь!

— У пациентки случился инсульт, возможно, потребуется операция. Вам нужно собрать тридцать тысяч, чтобы начать лечение, иначе состояние ухудшится. — Сказав это, врач вернулся в операционную.

<http://bllate.org/book/15547/1413503>